

„Реформы“ в колхозах

На фонѣ основныхъ противорѣчій сельско-хозяйственной политики коммунизма развертывался необычайно сложный узоръ **отдѣльныхъ** маневренныхъ попытокъ власти какъ-то найти выходъ изъ создавшагося **положенія**. Я сознательно не буду здесь касаться попытокъ **деструктивнаго** характера: поисковъ классовой врага, попытокъ переложить вину съ больной головы на здоровую — съ системы коммунизма на остатки капитализма, ссылокъ, разстреловъ и всего прочаго. Буду говорить только о конструктивныхъ **мѣропріятіяхъ** власти. Эти **мѣропріятія** можно схематически разделить на **политическія, организационныя и техническія**.

Основная политическая установка власти — установка, которая въ частныхъ беседахъ съ коммунистами высказывалась съ полной ясностью — сводилась къ следующему: не оставитъ крестьянству решительно никакихъ **иллюзій** насчетъ того, что онъ какъ-то можетъ обойти власть, какъ-то уклониться отъ **выполненія государственныхъ** повинностей. Въ схематизированномъ виде эта формулировка звучала такъ: или **безпрекословное** повиновеніе власти — или голодная смерть. **Внѣшнимъ выраженіемъ** этой политики былъ законъ отъ 7 августа 1932 года — законъ о священной **соціалистической** собственности, устанавливающіе только две категоріи **наказанія**: низшую — **заключеніе** на срокъ не менее десяти лѣтъ, и высшую — разстрель. Тотъ колхозникъ, который во время сева добывалъ изъ сеялки и жевалъ на ходу священное соціалистическое зерно — получалъ десять лѣтъ. Тотъ, у кого находили пудъ этого зерна — подвергался смертной казни. Въ результате этого закона **населене концентрационныхъ** лагерей поднялось до пяти **милліоновъ**, но хлеба **отъ этого** закона не прибавилось ни на **копѣйку**. Векъ **остальныхъ политическія мѣропріятія** — какъ **полногуделы, дико распухшая сѣть колхозныхъ газетъ, организаціи клубовъ, новыя переброски на село новаго «актива»** — никакого **вліянія** на ходъ **событій** не оказали — и постепенно были **огменены**. Даже **примѣненіе** закона отъ **7-VIII** — или какъ его называли въ лагере «семерка-восьмерка» — было смягчено. О»

голоски этого **смягченія** дошли до меня уже въ эмиграціи въ виде пресловутой «амнистіи» кулакамъ — очень ужъ **обезлюдѣла** деревня...

Организаціонныя **мѣропріятія** власти были значительно разнообразнее. На первое место здесь нужно поставить **переходъ** оплаты труда колхозниковъ на сдельную систему, — такъ называемые трудовые дни и трудовыя **книжки**, — о нихъ я **мелькомъ** писалъ въ очерке «Въ деревне». **Населеніе** каждаго колхоза было разбито на бригады, каждая бригада получила свой участокъ поля, свой инвентарь и свои спеціальныя **заданія**. Характерный штрихъ — и здесь не обошлось безъ **«кулаковъ»**. Кулаки, т. е. наиболее работоспособная часть деревни, стали формироваться въ свои, **отдѣльныя, «кулацкія»** бригады, которыя давали значительно большую выработку, чѣмъ остальные и которыя потомъ раскулачивали обычнымъ путемъ...

Каждый **членъ** такой бригады получаетъ на руки трудовую книжку, въ которую заносятся данныя о его работе, штрафы, прогулы и прочее.

Одно время мне казалось, — какъ и **многимъ** другимъ, — что эта система **внесетъ** некоторое **улучшеніе** въ работу колхозовъ. Крестьянство отнеслось къ этой **мѣрѣ** более или менее сочувственно. Я знавалъ колхозы, **гдѣ** эта система въ первый же годъ ея существованія дала почти **утроеніе** продукціи. Это **утроеніе** нужно принять съ некоторой оговоркой: съ **пяти-шести** процентовъ довоенной производительности полей колхозы долезли до 15-20%. Это преимущественно было въ колхозахъ севернаго района — **Карелія**, Вологодская и Ярославская губерніи. Подъ Москвой ростъ продуктивности былъ еще выше, — тамъ действовалъ стимуль близкаго московскаго рынка, — и я знавалъ колхозы, давиле подъемъ **продукціи** въ десять разъ... — отъ **тѣхъ** же 5-6% до 50-60-ти. Но уже на **слѣдующій годъ** все расчеты на сдельщину, на трудовыя книжки, на «новую историческую эпоху въ колхозной жизни», все они рухнули, погребая подъ собою **послѣдніе** остатки крестьянскаго **довѣрія** къ обещаньямъ власти.

Они рухнули прежде всего потому, что нормы оплаты **сдельныхъ** работъ — поскольку я знаю — не были выполнены нигде, ни въ одномъ колхозе СССР. Повторилась обычная **исторія**: государство было не въ **состояніи** выполнить своихъ **обязательствъ** передъ **крестьянствомъ** и оставить ему **ту** часть продукта, которая ему была твердо обещана. Новый стимуль былъ подрезанъ въ первый же годъ его существованія. Психологическое **значеніе** этого факта было огромно.

Съ этимъ **обстоятельствомъ** весьма путано и причудливо **переплелось** другое обстоятельство — техника учета работы. Для того, чтобы читателю стала ясна вся сложность этой техники, я попрошу его представить себе реальную обстановку **средняго совѣтскаго** колхоза, т. е. средней русской деревни, — а эта деревня за время **революціи** стала на много **умнѣе**, но не стала ни на копейку грамотнее.

Въ **среднемъ** колхозе — отъ пятисотъ до семисотъ рабочихъ. Книжки выдаются **всѣмъ, включая** сюда и **дѣтей** отъ 8-10-ти летняго возраста. Въ каждой книжке и каждый день должны быть отмечены: количество произведенной работы, ея **квалификація**, ея срочность и срокъ ея **выполненія**, ея качество, сохранность скота, инвентаря, семянъ и прочаго, огрехи, прогулы, штрафы, **опозданія** и т. д. Системы **заполненія** трудовыхъ книжекъ **менялись** несколько разъ. Въ самую упрощенную формулу подсчета «трудоваго дня» входило восемь переменныхъ величинъ. **Мнѣ** приходилось встречать результаты **рѣшенія** такихъ формулъ, где трудодень высчитывался съ точностью до **десятитысячныхъ** дробей: колхозница такая-то выработала за такой-то день 0,3295 **трудодня**..

Само собою разумеется, что все исходныя величины такой формулы были произвольны: учесть ихъ не былъ подь силу никакому контролю, точно такъ же, какъ подсчетъ суммарныхъ **результатовъ** былъ не подь силу никакой колхозной бухгалтеріи, темъ более, что системы **менялись** несколько разъ и что учесть приходилось **перестраивать**, такъ сказать, «на ходу». **Всякій** мужикъ, само собою разумеется, считалъ своимъ долгомъ протестовать противъ приписаннаго ему количества «трудодней»: «Иванъ работалъ похуже моего, а у него трудодней больше»; все мало-мальски грамотныя въ колхозе перебрасывались съ полей въ **канцелярію**; въ **цѣломъ** ряде колхозовъ «административно-учетный аппаратъ» **разбухъ** до такой степени, что за бумагами сидело чуть ли не большее количество людей, **чѣмъ** оставалось на поляхъ; **районныя** власти обвиняли (и сажали) **служащихъ** въ волокитѣ и бюрократизмѣ, колхозники — въ путаницѣ и произволѣ, но **служащіе** были не при чемъ. Вся система вызывала необходимость чудовищнаго **разбуханія** **всяческаго** «контроля и учета» (**«соціализмъ** — есть учетъ»), чудовищной растраты человеческихъ и **матеріальныхъ** ресурсовъ и въ концѣ концовъ не приводила ни къ чему: въ **конечномъ** счетѣ власть ни съ какими трудоднями не посчиталась, и, какъ и раньше, просто на просто отобрала все, что можно было отобрать. Вся эта чудовищная машина контроля и учета оказа-

лась и технически невыполнимой и практически бездельной: никто не могъ этого учета наладить и никто не посчитался съ его результатами, каковы бы они ни были...

Сдельщина оказалась очереднымъ проваломъ на пути организации **коммунистическаго** сельскаго хозяйства. Отъ нея впрочемъ власть не отказалась точно такъ же, какъ она никогда не отказывается отъ своихъ целей и методовъ. Она только маневрируетъ. Система трудодней была упрощена и въ значительной степени заменена повременной оплатой, съ **воздаяниемъ** за огрехи и прогулы не штрафами, а отсидкой, — отсидка же въ бухгалтерскомъ учете не нуждается, — и центръ тяжести былъ перенесенъ на **приусадебные** участки.

Зарубежная печать склонна видеть въ **приусадебныхъ** участкахъ еще одинъ симптомъ какого-то новаго поворота. Я не буду здесь говорить о «повороте», но эти участки — никакой не **симптомъ**. Ихъ не было въ первый годъ-два коллективизации, когда последняя казалась такимъ зеркальнымъ, асфальтированнымъ шоссе на пути къ окончательному социализму. Потомъ они стали возникать **стихийно**. Иногда власть ихъ поощряла, иногда власть ихъ ликвидировала. **Бѣлорусскій Наркомземъ** сель in **согрове** въ концлагерь за **разбуханіе** участковъ, Земотдель центральной промышленной области получилъ нагоняй за ихъ **ликвидацию**... Въ Белорусамъ ихъ поприжали, подъ Москвой ихъ **расширили**, на Дону и на Кубани не знали, что и **делать**. Подъ Москвой **приусадебные** участки были заняты огородными культурами въ разсчете на сбытъ овощей въ Москву и обмена ихъ тамъ на хлебъ, что съ ними стало въ Белоруссахъ, я не **знаю**; на юге они превратились въ своего рода **миниатюрные** поля. Въ Сибири, насколько я знаю, изъ нихъ вообще ничего не вышло: въ большинстве районовъ **население** предпочло вернуться къ промысламъ каменнаго века — силковой охоте (ружей нетъ) и къ рыбной ловле.

Последними **мѣропріятіями** власть только зафиксировала то **положеніе**, которое на местахъ создалось уже давно.

Въ техъ местахъ, где мне приходилось сталкиваться съ **приусадебными** участками, въ нихъ поражало одно — необычайно **высокій** уровень сельско-хозяйственной культуры. Я убежденъ въ томъ, что именно здесь и лежитъ та «революція въ сельскомъ хозяйстве», которая решительно **никѣмъ** не была предусмотрена и которая окажетъ огромное **вліяніе** на судьбы будущей Россш.

Тотъ самый мужикъ, который до революши съ такимъ **скептицизмомъ** относился къ агрономической пропаганде **стараго**

правительства — «а мы, какъ дѣды дѣлали», — проявилъ необычайный интересе къ агротехникѣ. Работать такъ, какъ работали дѣды, было явственно невозможно: у дѣдовъ были десятины, у внуковъ остались сажени. Изъ этихъ саженей нужно было получить все, что только возможно подь угрозой голодной смерти. Вековой агротехнической консерватизмъ деревни сразу взлетѣлъ въ воздухъ. Всякаго рода агрономическая литература, особенно дореволюционная, рассчитанная на индивидуальное хозяйство, получила необычайный спросъ. На базарахъ въ ЦЧО и на Украине мужики меняютъ последнюю картошку и последний хлебъ на отдельные листки старыхъ агрономическихъ руководствъ.

На приусадебныхъ участкахъ культура такого же типа, какая характерна для лесовыхъ почвъ Китая: самая скрупулезная, самая тщательная обработка каждого квадратнаго сантиметра земли. Кустовая культура злаковъ, поиски сѣменнаго матеріала, удобреніе, обработка, поливка, прополка все это приобретаетъ характере лабораторной работы и даетъ чудовищную урожайность. Подь Днепропетровскомъ (б. Екатеринославъ) я попробовалъ подсчитывать урожайность пшеницы на этихъ приусадебныхъ латифундіяхъ, получились цифры 200-270 пудовъ съ десятины — урожаи, какихъ въ Россіи не снималъ, въ сущности, никогда и никто.

Попробуемъ на минуту переселиться въ область мечты и представить себе, что будетъ съ Россіей, когда существующая власть провалится къ чертямъ и когда освобожденный мужикъ будетъ добывать уже не съ приусадебныхъ участковъ, а со всей посевной площади, пусть не 200-250 пудовъ, а хотя бы только 100-150 пудовъ съ десятины вместо прежнихъ 45-50 въ среднемъ. Мы сможемъ насыпать зерномъ новые материки...

Но пока что приусадебные участки создали на селе столь же двусмысленное положеніе, какое было въ періодъ НЭПа. Впервые, сосуществованіе рядышкомъ «частнособственническихъ» клочковъ съ урожаемъ въ 250 пудовъ и «обобществленныхъ» съ урожаемъ въ 25-30 пудовъ создаетъ чудовищный контрастъ. И каждому, самому безмозглomu деревенскому коммунисту, начинаетъ приходиться въ голову: нужно бы обобществленное поле ликвидировать совсѣмъ -- были бы сыты. Деревенскій активисте, если и пьянъ почти ежедневно, то сытъ далеко не всегда. Этотъ контрастъ бьетъ въ глаза и мужику и всякой легкой кавалеріи, наезжающей на колхозы со всякаго рода огнестрельной помощью деревне. Во-вторыхъ, приусадебными участками разрушается та линия партіи, которая заключа-

лась въ **попыткѣ отрѣзать** мужику всякую возможность не помереть съ голоду **внѣ** колхознаго рабства. Получилась лазейка. Въ эту лазейку устремлены вся **энергія**, все помыслы, вся изобретательность мужика. Колхозныя работы стали **барщиной** въ самомъ неприкрытомъ смысле этого слова. Уже въ періодъ моего послѣдняго **пробыванія** на юге (лето 1933 года), на Украинѣ прибегали къ старому методу выгона крестьянъ въ колхозное поле вооруженной силой. Крестьянокъ — техъ вообще почти не удастся выгонять. И кроме того — это очень важный моментъ — базируясь на своемъ **пріусадебномъ** участке, на куроводстве и прочемъ, мужикъ имеетъ возможность взяткой откупиться отъ любого бригадира, активиста и прочаго **начальства**. Здесь начиналась совершенно невообразимая путаница, я не знаю, какъ съ ней дело обстоитъ сейчасъ. Схематически эта путаница развивалась по такой линіи: председателю колхоза выгоднее питаться взятками съ **пріусадебныхъ участковъ**, чѣмъ своими «трудоднями», которыхъ онъ все равно не **получаетъ** и которые ему приходится, если можно такъ выразиться, «отворовывать» отъ власти. Получивъ оную взятку и **слѣдовательно** въ той или иной степени сорвавъ посевной и **прочіе** планы, председатель колхоза чрезвычайно склоненъ предаться **тому пороку «текучести кадровъ»**, о **которомъ** я уже писалъ. Текучесть кадровъ имеетъ **такія послѣдствія**: пропитавшись **одинъ** сезонъ въ Голодаевскомъ колхозѣ, председатель **перекочевываетъ** въ **Разуваевскій колхозъ**, тамъ начинаетъ **административно** неистовствовать — нужно съизнова зарабатывать **политическій капиталъ**. А какой-то другой председатель въ то же время и по такимъ же причинамъ **неистовствуетъ** въ Голодаевскомъ колхозѣ. Не нужно особо поэтического **воображенія**, чтобы представить себѣ, что изъ этого получается...

И наконецъ, **въ-третьихъ**, хлеба и прочаго государству все равно не хватаетъ, а при наличіи и ростѣ **пріусадебныхъ** участковъ будетъ не хватать еще больше. Что бы тамъ ни говорили объ **отмѣнѣ продовольственныхъ карточекъ**, но эта **отмѣна** во всякомъ случае означаетъ сниженіе **потребленія** хлеба **городомъ**, не отъ хорошей жизни отменены **карточки**. По всей вероятности власти придется протянуть свою вооруженную руку и къ **пріусадебнымъ** участкамъ. **Это**, конечно, будетъ сделано безъ газетныхъ передовыхъ примерно такъ же, какъ это делалось со «свободной» колхозной продажей излишкомъ хлеба: **пріѣзжала** кооперация съ ея полутвердыми ценами и «уговаривала». Въ **уговариваніи** принимали **участіе** и **сельсовѣтъ**, и **милиція** и ГПУ. Уговоры действовали...

Сельскохозяйственный идеал коммунистической партии — это крупное, рационализированное, механизированное сельское хозяйство, обслуживаемое наемным трудом. Организационно — этот идеал уже осуществлен в виде **советских** государственных **имений** — совхозов, каковые совхозы именуются **«предприятиями последовательно социалистического типа»**. Типик — не из удачных. Хуже, **чем** работают совхозы, трудно себе представить... Но к этому типу стремится и «колхозное строительство». **Орудиями превращения** крестьянского коллективизированного хозяйства, которое *de jure* является «переходно-социалистическим», являются машинно-тракторная станция — **МТС**.

Это неплохое изобретение. По своим функциям оно **заполняют** дореволюционные **агрономические** участки и прокатные станции старого земства. **МТС** обычно объединяет группы колхозов, иногда и **небольшие** совхозы, и обслуживает их агрономической помощью, сельскохозяйственными **орудиями**, тракторами, **посевным материалом** и в значительной степени являются одним из звеньев чудовищно разбухшей системы контроля над селом.

Сейчас очень трудно сказать, в какой степени идея **МТС** себя оправдала: в **условиях** общего краха сельского хозяйства потонули и **те** отдельные факторы, которые к нему вели, и те, которые его оттягивали. **Мне** кажется, что в общем работа **МТС** была все-таки **положительным** фактором. Если их **материальные** результаты и были равны приблизительно нулю (качество продукции с заводов **сельскохозяйственных** машин), то психологические результаты, невидные, но реальные, еще скажутся в дальнейшем развитии России: **МТС** привили крестьянству совершенно новые для него **технические** идеи и отчасти и навыки. Здесь, как и в очень многих других областях русской жизни, **физические усилия материалистической** идеи дали отрицательные **материальные** результаты и положительные — психологические. Это одна из **тех** никем не предусмотренных **реакций** на **советские достижения**, которые сейчас накапливаются в глубинах народного **сознания**, никакой **статистикой** выражены быть не могут, но которые определяют многое в **грядущих судьбах** России. В **данных** политических и экономических **условиях** все эти культурные, интеллектуальные и психологические сдвиги не могут дать почти никаких реальных результатов.

Официально коллективизация проведена «на все сто процентов» и считается вчерне законченной. Фактически вне кол-

хозовъ остались очень **значительныя крестьянскія** массы, которыя частью ликвидировали всякое собственное хозяйство, частью еще удерживаются на единоличныхъ позиціяхъ. Законъ, **разрѣшающій** колхозамъ въ **экстренныхъ** случаяхъ **пользоваться** наемной силой, создать еще одинъ **парадоксъ** колхозной жизни. Мужику безмерно выгоднее работать въ качестве «наемной **силы**», чемъ въ качестве **полноправнаго** члена колхоза. Наемная сила получаетъ свой заработокъ на руки и знать ничего не знаетъ. Колхозникъ же иногда кое-что получить, а иногда и не получить ничего. Поэтому Иванъ выходитъ изъ **Голодаевскаго** колхоза и работаетъ **наемнымъ** батракомъ въ Разуваевскомъ колхозе. Степанъ изъ Разуваевскаго точно такимъ же образомъ действуетъ въ Голодаевскомъ. Образовался весьма значительный слой **какихъ-то** бездомныхъ и безземельныхъ **крестьянъ**, которые такъ вотъ и околачиваются по колхозамъ, совхозамъ, МТС, и Богъ ихъ знаетъ, где еще. При мне въ Каракольскій совхозъ — это къ востоку отъ озера **Иссыкъ-Куль** въ Средней **Азій**, въ совсемъ ужъ безвыходной дыре — прибыло пять **семействъ** белорусскихъ крестьянъ Витебской губерніи. Просились на работу. На работу ихъ приняли. Какъ они попали сюда, я такъ и не узналъ, но до Караколы они косили **сѣно** где-то на Памире, а до Памира чего-то околачивались въ окрестностяхъ Барнаула... «Юрьевъ день» паспортизации несколько **прикрепили** эти массы къ какимъ-то определеннымъ **мѣстамъ**, но въ основномъ эта кочевка все-таки продолжается...

Сегодняшнее **положеніе** въ Россіи вообще, и въ русской **деревне** въ частности, я бы формулировалъ такъ: советская власть провела еще одну разорительную, но победоносную **кампанію**. **Политическія** цели, поставленныя передъ коллективизацией, более или менее достигнуты. «Остатки капитализма» выкорчеваны. Лозунгъ **«ликвидации кулака, какъ класса на базе сплошной коллективизации деревни»**, более или менее проведенъ въ жизнь. Сейчасъ власть закрепляется на завоеванныхъ позиціяхъ, несколько **подравниваетъ фронтъ**, оттягивая слишкомъ **далѣко** выдвинутые участки и подтягивая **отставшіе**. Съ одной стороны легализуются **пріусадебные** огороды и съ другой вводятся разстрелы для **малолѣтнихъ**. Въ городахъ идетъ этакая лакировка поверхности **соціалистическаго** общества: нужно показать Европе, что и мы, дескать, не сапогомъ сморкаемся. При некоторомъ **желаніи** во всемъ этомъ можно видеть **эволюцію**. При наличіи очень необузданной фантазіи можно увидеть даже и національное **перерожденіе**. Но основные факты остаются безспорными и очевидными: ни одной «командной высоты» — ни

идеологической, ни политической, ни экономической власть не уступила. Если и идетъ **«эволюція»**, то это — **эволюція** къ коммунизму, а не наоборотъ. **Чѣмъ** она кончится, этого никому знать не дано. Пророчество — **профессія** достаточно легкомысленная. Нужно обладать весьма основательнымъ **запасомъ** оптимизма, чтобы исключить возможность **дальнѣйшаго** этапа этой **эволюции: перерастанія россійской** катастрофы въ **міровую**. **Нынѣшнее положеніе Міра** не **блещетъ** ни устойчивостью, ни разумностью. Въ **мірѣ тлѣетъ** слишкомъ *много* **очаговъ безумія**, и **всякій** такой очагъ Москва будетъ раздувать **по мѣрѣ** силъ **своихъ**.

И. Солоневичъ.